

СЕМЕЙСТВО КУЗНЕЦОВЫХ (ТЕРЁХИНЫХ) ИЗ ПРОСПИХИНО

А.Н. Кузнецов

Из личных записей жителя посёлка Болтурино Кежемского района Красноярского края Кузнецова Александра Никифоровича, 1925 года рождения, уроженца деревни Проспихино Кежемского района Красноярского края. Умер в 1985 году. Перезахоронен в г. Козьмодемьянске.

«Дед мой, Михаил Терентьевич Кузнецов, в деревне его прозвали «Терёхин» по отцу, прожил более девяноста лет. Занимался в основном сельским хозяйством, иногда охотой и рыбалкой, но эти занятия у него были не основные. Делать он мог всё: и плотничать, и даже столярничать, и другие работы. Но качества в рукоделии как-то не было. Или он сильно торопился, или, как говорят, такая рука. Был он остролиц, сутул, нос с горбинкой, выше среднего роста. Как я его запомнил, был он седым, волоса и борода с усами были белыми. Волоса вились из кольца в кольцо, и носил он их по старинке, под кружок. Дед был недоволен своими волосами. Когда сходит в баню и волоса промоет, они у него ещё больше вились, с трудом их расчесывал своим специальным роговым самодельным гребнем, беря его поперек всей пятернёй, усиливая устойчивость гребня в руке, и начинал рвать свои волосы, приговаривая, что достались же ему такие волосы на всю жизнь. Бороду с усами подстригал коротко, ножницами. Говорят, смолоду был очень аккуратен и красив, его красоту, по-видимому, украшали кудрявые волосы. В ходьбе был какой-то недостаток, хотя и ноги были целые, невредимые, или от старости, или от тяжёлых физических работ, припадал на левую ногу, но чувствовал себя нормально, делая большие переходы, не обижался на ноги. Да и вообще, дед редко болел.

Жил дед в деревне Проспихино со старшим сыном, моим дядей, Терентием Михайловичем Кузнецовым, чувствовал себя в доме основным хозяином, мог распоряжаться всем хозяйством и положением членов семьи в работе, в учёбе своих внуков, поведением всех своих родных. Не терпел никаких несправедливостей, был горяч, поэтому все родные его побаивались. Дед мог в любую минуту сделать без всякого стеснения любому человеку замечание, и ему никто не мог перечить, считая себя виновным не обязательно перед ним, а вообще перед любимым, в неправом жизненном поступке.

Никогда я не слышал, чтобы он в разговоре шутил или много о чём-нибудь разговаривал, или о чём-нибудь философствовал. Был он неразговорчив, или с нами, родными, так он вёл себя, или так воспитала его нелёгкая продолжительная жизнь. Бабушки я не помню, умерла она, меня ещё не было. Дед остался средних лет. На могиле он поклялся перед своими детьми и перед всеми провожающими, что никогда ей не изменит, что остаток жизни будет жить только с детьми и другой супруги у него не будет. Так дед и жил продолжительный остаток жизни один в семье старшего сына.

Верил дед в Бога, но нам он никогда не внушал. Бывало, в отдельные дни приходил с работы и перед завтраком начинал, стоя перед маленькой иконкой, что стояла в углу

избы поверх зеркала, молиться, при этом что-то приговаривая, две-три минуты, а затем вставал на коленки и, ещё что-то наговаривая, кланялся несколько раз до пола, потом вставал, несколько раз крестился. Тогда шёл к столу, ни с кем не разговаривая, приступал к еде. Молился он редко и обязательно больше в религиозные праздники.

Взрослые и пожилые люди его уважали, с удовольствием с ним заводили беседы. Дед, по его особым секретам, хорошо угадывал погоду. Даже правление колхоза советовалось с ним, когда приступать к севу хлебов весной, ну и к другим сельскохозяйственным работам – к сенокосу и уборке. Дед хорошо ориентировался в погоде, по его особым наблюдениям, он знал каждый гектар земли в колхозе, какой структуры эта земля, что и где, когда на ней нужно делать, как её обрабатывать.

Любил я слушать старичков, когда в какой-нибудь праздник собирались к дедушке поразговаривать, посидеть, вспомнить прожитые годы. Разговоры были и на сельскохозяйственные темы, про охоту, про рыбалку, как ходили в ямщину в Канск, в Тайшет, как менялись лошадьми, кто в чём погорел, а кто в чём имел выгоду, кто сколько имел лошадей, коров, свиней в хозяйстве, у кого какие были семьи. Иногда разговоры переходили на мелкие политические темы, чувствовалось, что иногда некоторые старички хвастались своим прожитым, дескать, что сейчас за жизнь, нет ничего своего, всё отдали в колхоз, урожаи стали хуже. Работают так себе, через пень-колоду, утром собираются на работу в колхозе, а уже солнышко высоко и рано отступаются. Да и трактора портят землю, глубоко папуг, навоза никто не вывозит на поля. Вот тут дедушка как-то себя показывал превосходным в этих вопросах, своим собеседникам как-то сразу доказывал в их неправильных понятиях. Вот, допустим, такая была его поговорка на такие разговоры: что, мол, мы видели до колхозов, да ничего, работали с темна до темна, конечно, земля отдавала своё за наш труд, но, кроме работы, мы ничего и не видали, вот, посмотрите, будем жить лучше, освоятся с тракторами, на них и навоз будут возить, и пахать лучше, и обработка почвы будет хорошей, и урожаи будут. Ездили в больницу в Богучаны, школа была в Кежме да в Богучанах, вот так мы все и остались неграмотными. А сейчас што: больница в нашей Проспихиной есть, школа есть, есть сельский совет да два магазина, бери чего только хопь. Клуб есть – ходи в кино и слушай лекции. Разговоры кончались мирно, как бы выводя для себя вывод в улучшении прошлого, и, довольные своей беседой, расходились старички по домам.

До последних своих дней дед сторожил разные колхозные фермы, так как на физические работы по старости не гожался, всё ещё помогал своим посильным трудом колхозу, всё говорил, а вот и заменят человека. Год рождения дедушки где-то 1861, а умер он в 1953 году, но остались о нём большие воспоминания у нас родных как о человеке большой чистой души.

Мне, его внуку, один раз пришлось послушать напутственный жизненный разговор, хотя он и был немногословен, но почему-то он посчитал поговорить со мной более откровенно. Может, это было вызвано сложными обстоятельствами: в ту пору я был школьником и разговору дедушки не придавал особого значения, а случилось это так.

В деревне Проспихино у нас был такой обычай. Гуляли, правда, редко, но в основные большие праздники собирались большим количеством людей и гуляли по несколько дней, так как все должны были угостить гостей, не обязательно приводить домой. Делали это в одной избе, и отгащивали несколько семей. И вот в Новый год у нас, «Терёхиных» – такое было наше деревенское прозвище – должно было состояться гуляние. С утра хозяйки,

которые группировались отгостить, начали готовиться. Я пришёл из школы, а по всему дому, посередке, стояли четыре стола – это было подготовкой. Мне, как малолетке, сказали, чтобы я на это время куда-нибудь ушёл к товарищам и даже мог там ночевать. Мои родители жили тогда в Рожковой. Отец мой, Никифор Михайлович Кузнецов, был вторым сыном Михаила Терентьевича, а я жил у дяди Терентия и у деда Михаила и учился в Проспихино.

Назавтра утром, когда я пришёл домой от товарища, мне показалось, дома никого нет, и изба не была заложена на замок. Я поглядел по койкам, может, кто пьяный спит и поэтому не заложил, оказалось, что дед лежит на своей койке. Столы, как были заставлены разными тарелками, мисками, чашками, так и стояли после гуляния, на столах и окурки, и пепел от папирос, что-то пролито на столах, и под столом в беспорядке валяются вилки, пустые бутылки, по-видимому, погуляли на славу, а гости перешли к другой группе отгашивающих. Дед проснулся и спросил, кто дома, я ответил. Он потребовал пить. Я, всё что-то разглядывая на столах и под столом, в избе стоял какой-то приторный винный запах, недоумевал над таким беспорядком, но тут дед уже вышел из терпения и от всего сердца крикнул, что нет воды и хочет пить. Я даже вздрогнул от его такого резкого требования. Видимо, у него созрела мысль со мной поговорить, так как у него испортилось настроение от моего такого медлительного исполнения. Я пошёл в кухню, где стояла большая деревянная кадь с водой, в которую вмещалось литров десять, зачерпнул железным ковшиком воды и понёс дедушке. Когда он брал ковшик с водой, я чувствовал себя виноватым. Мне сказал, растёте какими-то у меня дураками, не так, как у людей, у людей как люди, а у меня какие-то дураки, да и отцы-то ваши такие же были. Он попил воды и, отдавая ковшик, чтобы я поставил обратно на место, велел посмотреть на столе, нет ли там водки. Я поставил ковшик и пошёл к столам. На первом столе от двери стояла поллитра, и в ней что-то ещё было, я понюхал, понял, что это водка, и налил в стакан. Стакан наполнился полным, не знаю, или специально ему оставили на похмелье, или вообще осталась поллитра незамеченной. Я поднёс дедушке, ожидая, когда он выпьет, чтобы унести стакан обратно на место и улизнуть из дому от дедушки и от его навязчивости. Беря стакан, он мне сразу же приказал принести огурец, я пошёл опять к столам, взял вилку и поддел один ломтик огурца. Он взял огурец руками, откусил половину, затем залпом выпил стакан и положил вторую половину огурца, тряс своей кудрявой головой, кряхтел и глубоко дышал и успокоился. Некоторое время сидел молча, потом спросил:

– Шура, ты меня любишь?

– Я ответил, что нет, да и никто не любит, потому что ты сердитый.

– Кто тебе сказал, что я сердитый?

– По всей деревне говорят, что ты сердитый, купаться нам не даёшь, не только нам, своим, но и чужим ребятам, купаемся и оглядываемся, не идёт ли дедушка Михайла. А правление колхоза летом пустило славу, что ты караулишь колхозный горох, и никто там поэтому не ходил, но я говорил ребятам, что ты сторожишь на свинарнике, никто не поверил и по горох ни разу не сходили. Я – внук, и гороха-то не знал, где растёт

Усмехнулся дедушка и свободной рукой, лёжа на кровати, обнял меня и приблизил к себе, да я и так стоял от него недалеко, всё ещё ожидал взять в его руке стакан и отнести и смыться из дому, и он продолжил говорить:

– Учишься, однако, худо, всё бегаешь и не готовишь уроки. Учиться вам надо грамоте и быть не такими, как мы. Ох, внук, не знаю, как вы будете дальше жить, вот умрём

мы, старики, и вы, однако, умрёте с голоду Растёте, внуки, какие-то ленивые, учиться не хотите, только бы баловаться да по деревне бегать. Нас родители так не баловали, как мало-мальски начали гожаться на работу и работали с темна до темна наравне со взрослыми, ну, разумеется по своей силе, возможности: вначале бороноволокном год – два, а потом уж доверяли соху, ну, после сохи работали все работы. Твой отец, Никифор, рос, казалось, не так уж баловный, но и он показал свой нрав. Было это, Шура, давно, ещё далеко до колхозов. Жили мы единоличным хозяйством, пахали, сеяли, жали, молотили, всё делали своими силами для того, чтобы прожить целый год до нового урожая. Имели коров, свиней, собак, куриц, а основное в хозяйстве были лошади. На лошадях все полевые работы делали, ходили в ямщину, перевозили груза разные, этим зарабатывали деньги. Лошади у нас были хорошие, да и как им быть не хорошими, когда овёс из колод не выводился. Поились вовремя и восстанавливались вовремя, допускались к корму, и были у них тёплые конюшни. Летом, когда весенние работы закончатся, до обработки паров лошади отдыхали на зелени, на лугах, на приволье.

Я устал стоять и присел на краешек кровати, дед отодвинулся немного, прижал меня к себе плотнее и продолжал свой разговор:

– Особенно были хорошими лошадьми Мухорка и Чалуха, на которых можно хорошо было проехать и увезти любой воз. Мухорка был жеребцом в конюшне и дворе смирным, никогда головой от хозяина не отворачивался и спокойно возил человека наверхней. Но, как только запряжёшь в кошеву или в сани, да ещё обвозжаешь на вожжи, сразу как кто-то подменял Мухорку глаза станут какие-то шаловливые, начинал топтаться на месте, так что приходилось двоим-троим его держать, пока ямщик сядет в сани иль в кошеву И Мухорка бросался, не соблюдая ни рытвин, ни крутых поворотов и спусков, летел галопом. Но ещё хуже было, когда на нём приходилось подниматься с реки на угор, то тут уж он ничего не соблюдал, бросался со всех ног, выносил сани с грузом иль кошеву с ямщиком, иногда прибежал к воротам в одном хомуте.

Мухорка давал нам заботы: то сани иль кошеву изломал, то хомут разорвал, то ещё что-нибудь наделал, но мы его любили за его удаль, всё ему прощали, да и любить его было за что: он мог пробежать, не останавливаясь, полсотни километров, не сбавляя темпа в беге. Бывало, что съездишь в Климину, как раз километров тридцать, его не выпрягали, ну и погрешься немного и опять поедешь обратно, а Мухорка тем же бегом, не сбавляя хода, да и не чувствовалось, что он устал. Вот, назад едешь, а с реки на угор всё-таки он нрав свой покажет, но всё равно вынесет во весь дух. Летом иногда отпускаясь в табун на продолжительное время, так как деревне нужно было лошадиное потомство, там была у него одна кобылица, остальные паслись отдельно, даже в своём дворе своих лошадей и кобылиц не обижал. Были в деревне и другие жеребцы, но к Мухорке подступиться не могли. Он чувствовал себя превосходным, сильным, ходил с табуном, гордо поднимая голову, поглядывая по сторонам. Не помню, чтобы какой-нибудь жеребчик осмелился налететь на Мухорку.

Но, человек умнее животного, и мы всё-таки узнали слабые места Мухорки. Стали запрягать его в заде запряжённой лошади, он спокойно стоял, никуда не кидался, соблюдал переднюю лошадь. По каким-то своим лошадиным законам он не имел права обскочить переднюю лошадь и отстать от неё в езде, хотя на его санях иль кошеве не было ямщика, как говорят, ходил аккуратно в погоне, даже не привязывали за переднюю лошадь. Стали его использовать как погонную лошадь. Ходили в ямщину, делали домашние работы и без всяких фокусов от Мухорка.

И всё-таки наделал он, Шура, фокусов с Никишей. Так это было. Чалуха была средняя кобылица, на ногах была лёгкая и выносливая. Она с Мухоркой всегда ходила на пару на полевых работах и домашних зимних работах, была, как навроде, любимой подруги, какие прогоны у них были. Запрягали Мухорку с Чалухой, и если требовали одну лошадь, то прогоны увозили на одной Чалухе. Но Мухорку больше избегали, ездить на одном, так как он выделывал свои фокусы. Прогоны тогда, в начале двадцатого века, возили деревней поочередно в разные концы: вверх по Ангаре до Сосновой, и вниз по Ангаре до Климиной, возили разных там станowych губернаторов, писарей разных и почту Придёт твоя очередь, хочешь не хочешь, а прогон вези, тогда было строго. Всем этим ведал деревенский староста, который тоже назначался по очереди.

Меня заинтересовал дедушкин рассказ да ещё что-то о моём отце Никифоре, я больше и не мечтал убежать от дедушки, а он продолжал: – Прибегаёт однажды староста к нам и говорит, что ваша очередь вести прогон на двух лошадях. Делать было нечего, и мы стали готовить лошадей. Запрягли Чалуху в кошеву, а Мухорку в сани, – так нам сообщили, что грузу будет один человек и с ним багаж. Кто он, откуда и куда ехал, я этого не знал, но сначала его надо везти до Климиной. Кому ехать, думали мы с Терёшкой, и решили отправить Никишу, подростка, так как он меньше был нужен в работе дома. Терёшка помог Никише уехать на квартиру, где остановился пассажир. Все вещи уложили на сани Мухорка, увязали верёвкой, чтобы ничего не потерялось в дороге, так как Мухорка пойдёт взади в погоне за передней лошадей. Я наказал ему, как приедешь в Климину, погреться на квартире, не выпрягая лошадей, и ехать обратно. Так он и сделал. Как приехал в Климину, разгрузил пассажира на своей уже квартире и привязал лошадей, чтобы ему погреться в избе, поесть и ехать домой. Квартиры тогда были у нас в каждой деревне, где могли принять нас самих и лошадей накормить. Потом Никиша накормил лошадей. Мы не считали этот волок очень большим для лошадей – в пятьдесят километров в один конец – и надеялись на своих лошадей, да лошади обратно пойдут простые. Никиша отвязал от привязи Чалуху и отъехал несколько сажень, остановил её. Затем отвязал Мухорка, чтобы дать понять ему, что он в погоне взади возжевой лошади, спустился под гору на лёд Ангары, ну, там лошади, почуя простор, силу в себе, да и ещё идут домой, пошли крупной рысью. Понукать их не надо было, в беге они чувствовали себя превосходно. Подъезжая к Чадобцу, Никиша задержал Чалуху и отправил лошадей шагом, а Мухорка почему-то стучал своими копытами о кошеву Чалуха несколько раз старалась перейти на рысь, но Никиша задерживал и давал этим хоть отдохнуть лошадям. Потом это всё надоело, холод был крепкий, и Никиша отпустил Чалуху. Лошади сразу пошли ускоренной рысью, как бы догоняя время, которое прошли шагом. Так спокойно доехали до сворота через реку, в деревню Сармолотово. Дорога там была накатанная в то время хорошо, ветров не было, по ней много ездили на лошадях, много проходило обозов разных, возили по дорогам сено, солому да разное для деревенских нужд. В то время у каждого хозяина были лошади, люди ездили много, по гостям, то за каким-нибудь случаем, в общем, без лошади никуда. Ближе к нашей стороне, к Сармолотовой, Никиша увидел, что что-то большое двигалось навстречу ему и довольно быстро. Сразу понял, что это повозка, запряжённая в тройку. В таких повозках в то время возили каких-нибудь работников волости или губернии, таких людей сопровождали специальные вооружённые люди, которых называли в народе охранниками. Такие повозки тоже возили по очереди: не хватало у хозяина лошадей, то группировали

лошадей от двух хозяев и везли такую повозку от деревни до деревни. Там опять перепрягали лошадей и везли дальше. Иногда такие люди останавливались на несколько дней в какой-нибудь деревне, отдыхали с дороги, пили и опять ехали дальше. Когда приблизилась эта тройка, видно, что в кореню был пегий конь, в пристяжках были обои серые лошади. Позже, когда Никиша рассказал об этих лошадях, я сразу понял, что лошади были сармолотовскими, Константина Петровича Колпакова, который жил крепко, в полном достатке, имел хороших лошадей. Он-то мне и дорассказал потом всё остальное. Никиша посмотрел на Мухорку, тот бежал за кошевой, и Никиша свернул в сторону с дороги. Чалуха бросилась в сторону и замедлила движение, так как снег был впопыхах дороги глубоким. Никиша рассчитывал, что Мухорка должен быть за кошевой, но не тут-то было. Мухорка не свернул с дороги и с мужественным видом подбежал к коренному коню повозки и, видя, что его хозяин удаляется на Чалухе, рванулся было вперёд, но зацепил своей оглоблей торец оглобли коренового коня повозки. Кони остановились с повозкой. Мухорка сразу же бросился на левую пристяжную серую лошадь, подмял её под ноги, но что-то его удерживало, это на нём была крепкая сбруя. Получился лошадиный крик, повозку начало опрокидывать. Все служаки выскочили из повозки. Мухорка, видя, что хозяин на лошади уходит ещё дальше, поднялся в дыбы, подымая на себе коренника и пристяжную, которая зацепилась за его упряжку. Служаки, видя такой хаос, повытаскивали своё оружие и стали стрелять по Никише, как по нарушителю, который удаляется с места. Как только хлопнул первый выстрел, Чалуха сразу же бросилась в полный галоп, когда пуля прошла близко, испугалась и понесла Никишу, сколько в ней было мочи. А Мухорка, как только хлопнул выстрел, ещё несколько раз поднялся на дыбы, коренной конь выпрягся, давая этим Мухорке ход вперёд. Повозка зацепилась, и Мухорка её на боку, полным галопом понёс по дороге, ещё и таща за повозкой двух пристяжных лошадей. Охранники стали стрелять в Мухорку, но повозка им мешала. Никиша оглянулся на Мухорку, тот был уже совсем близко от кошевы своего хозяина, глаза какие-то красные, весь вздрагивал, мышцы напряглись и выступили на корпусе рубцами. Берег был близко, а тут деревня Сармолотова. Чалуха как бежала галопом, так и залетела в деревню с нижнего конца. Мухорка больше не отставал ни на шаг, да и на нём ничего уже не было. Сбруя вся осталась у чужой повозки, вместе с санями. Страх немного отошёл, и Никиша, не заезжая ни к кому, спустился на верхнем краю деревни на реку и немного погонял Чалуху, чтобы уехать как можно быстрее и как можно дальше, да и жалел Мухорку, который шёл сзади кошевы, невредим, гордо поднимал голову, якобы, я их победил. Так Никиша приехал домой.

Когда мы увидели лошадей, сердце сжалось, чуя беду Никиша кое-как обсказал свою беду, мы сразу увели лошадей в гумно, а Никишке приказали никуда не ходить, а назавтра его отправили тоже в гумно, в риге сушить снопы и не приходить домой, пока его не известят. Мы знали, что преступника будут искать, знали, что Константин Петрович Колпаков лошадей наших знал, как своих, и ожидали с часу на час к нам нежеланных гостей. Охранники приехали назавтра, сразу к старосте, стало понятно, что они пока ничего не знают, а Колпаков наших лошадей не признал. Старосту я предупредил об этом случае, ещё сразу после возвращения Никиши домой, рассказал, как было дело, посоветовались, решили спрятать Никишу и лошадей на несколько дней в гумно. Туда свозился семьёй хлеб в снопах, там его подсушивали в риге, потом молотили вручную или волоком лошадьми, была веенка, где обрабатывали зерно для семьи, а после

обмолота хлеба гумно служило семье складом грубых кормов, туда свозилось сено, там же смётывалась обмолоченная солома, иногда там держали молодняк: нетелей, жеребят и нерабочих лошадей. Гумно наше было недалеко от деревни, не на глазах всё же. Вот там и отсиживался сын Никиша со своими пиратами-лошадьми. В деревне не все знали, что мы увозили прогон, да и кто знал, что была наша очередь, но в деревне чужим людям было трудно узнать что-то, а на деревенских мужиков мы надеялись. У старосты бумаг никаких не было, очередь знал по памяти, и он отпёрся от охранников, что деревня никакого прогона не возила в этот раз в ближайшие дни, кроме ихней повозки. Охранники всё же были у некоторых хозяев, которых староста указал, что они куда-то ездили, осматривали лошадей и подростков, но таких лошадей не нашли. Охранники уехали на завтра вверх по Ангаре до Дворца, проверяя в каждой деревне некоторых хозяев и их лошадей, так и вернулись обратно в Сармолотову ни с чем. Грозилась найти преступника и расстрелять в ближайшее время. Вторично охранники доезжали до Коды, якобы, кто-то там увозил прогон, и, якобы, лошади такие только в Коде, но до Проспихиной вторично они не доехали. В Коде ничего не нашли, вернулись в Сармолотову и поехали дальше, вниз по Ангаре, уже со своей повозкой, и по нижним деревням всё ещё надеялись найти преступника, кое-кого опрашивали, смотрели лошадей и подростков. Крепко они запомнили лошадей, какой они масти и подростка, который причинил им посмешище. Эта случайность могла стоить человеческой жизни. В то время я сам ходил, как неживой. Мне люди говорили, чтобы я не показывался незнакомым людям, так как вид у меня был неважный, да и семья переживала об этом случае. Я даже забывал, куда я иду, что мне нужно делать, и тут же опомнивался, шёл на гумно опровергать Никифора, лошадей и хозяйство. Глядя на сына, сразу в груди всё холодело, случиться могло многое, могли убить Никишу, совсем молодого, могли меня увести и строго судить. Да и людям, как Константину Петровичу, не было б возможности утаить, да и сами бы ни на кого не смотрели при такой трагедии, мы были бы на виду у всех жителей нескольких деревень. В то время законы были строгие, а беззаконие ещё строжее самого закона для нас, простых деревенских хлеборобов. С нами могли сделать всё, расправиться, как с худой скотиной, сослать в любое место или беззаконно расстрелять. Преступление было на грош, преступлением даже так не назовёшь, просто случайность, при которой сломали чужую повозку, оглобли, порвали сбрую, не считаем наших саней и сбруи Мухорки. Всё это можно было починить, исправить, всё было в наличии, на месте. Перед ними можно было б извиниться, и всё восстановить подпорченное. Но этого делать было нам нельзя. Мы знали, что эти люди были звери, поэтому им не удалось найти преступника по деревням. Никиша меня расспрашивал, где и когда охранники проехали обратно, и просился домой, ему было скучно одному на гумне, ночью в риге ночевать было жутко для молодого человека. На ночь к нему ходили ночевать кто-нибудь из родственников, а иногда кто-нибудь из деревенских старичков, нам из семьи туда ходить нельзя было, так как могли привлечь внимание на себя, кто-нибудь в деревне мог проболтаться. Могли прийти с обыском, со следствием. Чалуха и Мухорка стояли в стойлах, а в семье работали другие лошади. Прошло недели две, Никиша уже ходил по деревне, работал в хозяйстве, лошадей перевели домой, помаленьку всё стало успокаиваться. Всё пошло своим чередом. Мухорка, как зайдёт в стойло, всё поглядывал ласково на хозяина, чтобы на нём проехали, так как несколько дней стоял без работы, да ещё спрятанный. В то время

я на Мухорку осердился, хотел его позже продать или на любую клячу поменять, но сердце отошло, и я стал на него делать новый хомут, так как с других лошадей хомуты на него были малы. Вскоре из Сармолотовой меня заказали, чтобы я приехал к Константину Петровичу Колпакову. День выдался не так холодным, с утра выпал небольшой снег, и я решил ехать в Сармолотову на Чалухе, а когда зашёл в конюшню, у меня созрело желание поехать на Мухорке, так он бросался своим могучим видом и красотой в глаза. Проехать на такой лошади, да ещё в другую деревню, для меня было большим удовольствием, хотя и побаивался его привычек. Запрягался он послушно, в сани на дно положил сена нетолстым слоем, чтобы для себя иметь надёжную опору. Надел я на себя собачий тулуп, уселся в сани и Терёшке велел открывать ворота. Вначале Мухорка как бы попробовал сани, надёжно ли за ним покатятся, и, как поравнялся с воротами, сразу взял в галоп. Дёргать было бесполезно, и вскоре оказались мы под горой на льду реки. Я кое-как Мухорку направлял вниз по реке, так как я сам почти ничего не видел, а он не знал, куда девать свою силу. Километра два мы летели стороной в целик снега, затем выправились на дорогу и поехали крупной рысью спокойнее и соблюдая дорогу. Подъезжая к взвозу Сармолотово, я попробовал его задержать и подняться более спокойно на угор, и натянул возжи порезче. Он сразу поднялся в дыбы, в сердцах я ударил его возжами по его бокам, Мухорка как-то присел на задние ноги, потом спокойно опёрся на передние ноги и пошёл шагом, подёргивая сани, сам приседая. Так мы в первый раз на Мухорке поднялись по взвозу в угор шагом, чувствовалась его стремительность и куражливое подчинение хозяину. По Сармолотовой до Константина Петровича проехали хорошей рысью. Когда подъехали к воротам, хозяин выбежал в одной рубашке, надел только шапку, открыл ворота, и я заехал, развернул Мухорку в ограде передом к воротам. Константин Петрович закрыл ворота, а я снял доху, и мы обнялись. Поздоровавшись, подавив друг друга, я начал распрягать Мухорку, а Константин Петрович разглядывал его и приговаривал: ну, орёл, ну, орёл, у тебя, Михаил Терентьевич, Мухорка, просто богатырь. Я стал привязывать Мухорку к столбу для выстойки, а Константин Петрович пошёл домой, так как был раздевши. Я пошёл тоже в дом и увидел за крыльцом свои сани, невредимые, только не было оглобель. На санях лежал разорванный хомут на две части, седёлка с разорванной подпругой, покрытые уже толстым слоем снега. Я зашёл в дом, перекрестился, всему дому поклонился, поздоровался со всеми членами семьи. Константин Петрович суетился, раздевая меня, развешивал мои вещи по гвоздям, что служили для вешалок вещей домашнего хозяйства. За это время хозяйка дома уже всё приготовила, и мы уселись с хозяином дома за стол. Константин Петрович мог угощать, да и было чем, выпили немного, на душе стало теплее за такое гостеприимство, за такие тёплые чувства со стороны всей семьи Колпаковых. Немного захмелели, и Константин Петрович стал рассказывать, как произошла эта история, что сразу узнал идущих навстречу лошадей Михаила Терентьевича Кузнецова. Чалуха, как шла крупной рысью, мол, свернула в сторону и пошла усюками, так снег мешал ей ровно бежать помимо дороги. В кошеве не узнал, кто едет, но понял, что кто-то из сыновей Кузнецовых. Мухорка замедлил бег, посмотрел вслед хозяину, за убегающей Чалухой, считая неправильным поведение хозяина, а себя самостоятельным в решении вопроса, он приближался к чужим лошадям, которые, видя такого богатыря, как-то смешались и потянули в разные стороны, намереваясь дать дорогу Мухорке. Но тот уже зацепил, смял лошадей, перевернул

повозку и понёс галопом, догоняя Чалуху. Охранники начали стрелять, прибавили ещё страху Мухорке и Чалухе. Как раз в это время Мухорка и отделился от повозки и летел к кошеве, да и Чалуха шла галопом, но её он в двух километрах догнал. Константин Петрович боялся, что парнишка задержится в деревне, и тут не миновать ему беды, но тот, должно быть, сообразил и уехал домой, в Проспихину. Константин Петрович и пассажиры остались у разбитого корыта. Пошли к повозке. Она лежала на боку. Пристяжные запутались в постромках. Пассажиры проклинали всё на свете, хвалясь и грозясь на ямщика, уехавшего от них безнаказанно, найти и расстрелять. Когда повозку развернули на полозья, вся боковина обшивки была изорвана в клочья, все дуги повозки, что служили для обшивки сукном, были изломаны. Константин Петрович распутал пристяжных и поехал домой верхом на своей пегашке, а охранники со своим хозяином пошли в деревню, там заставили старосту Сармолотово привезти повозку в деревню для ремонта. Ну, там и пошло-поехало: охранники надеялись, что нарушители-лошади с ямщиком сармолотовские, и своего ямщика особенно не спрашивали. Да и разговору сразу после трагедии на месте не произошло, якобы, они были уверены, что найдут нарушителя в деревне. А когда поняли, что ямщика не найдут, вызвали Колпакова к старосте и стали допрашивать. Один охранник даже ударил Константина Петровича по щеке, но, конечно, ничего не дождался на допросе. Назавтра все поехали вверх по Ангаре, в Проспихину и далее, но, по-видимому, и там никого не нашли. Дня через три или четыре они приехали в Сармолотову снова, повозка была отремонтирована, и они уехали вниз по Ангаре, говорили, что они в ночь ездили в Коду, где тоже никого не нашли. После их отъезда Константин Петрович запряг лошадь и поехал за санями и сбруей и седёлком от Мухорки, которые всё это время валялись на дороге, и никто из проезжающих не дотрагивался до них. Отвернул изломанные оглобли, отбросил в сторону, склал пожитки на сани и повёз домой: всё это можно отремонтировать и в хозяйстве ещё пригодится, чем бросать такое добро, ведь оно стоит человеческого труда. Вот поедешь, Михаил Терентьевич, и вези домой своё хозяйство, что за крыльцом стоит. Там ремонту-то: вернуть оглобли в сани, свяжешь верхнюю супонь хомута, заменишь подпругу у седёлка – и готовая упряжка. Долго мы беседовали с Константином Петровичем. Хорошо набрались хмельного и разлеглись спать, не помня себя. Когда я проснулся, хозяин уже сидел за столом, на котором было всё свежее, всё горячее, разные приготовления. Я пошёл опроведать Мухорку. Он был привязан у столба за нижнее кольцо, чувствовалось, что за лошадью ухаживала женщина, у Константина Петровича не было сына, а сам был смертельно пьяный и спал вместе со мной. Хозяйка боялась Мухорку, сено было подпёхнуто к его ногам пехлом, которое тут и стояло. Ящик с овсом был подпёхнут с другой стороны, а у самого столба стояло простое ведро, наверное, она поила его из-за столба. С Мухоркой было всё в порядке. Я вернулся в дом, Константин Петрович при жене спросил про Мухорку, я сказал про свою догадку, посмеялись. Позавтракав, я стал собираться в обратную дорогу домой. Константин Петрович помог мне собраться с моими пожитками, я запряг Мухорку, обнялся с хозяином, простился с его женой, открыл ворота и я выехал.

– А почему, дедушка, вы не заплатили своему товарищу за его заботу?

Дедушка на мой вопрос ответил так:

– Да, Шура, этот вопрос для меня тяжёлый. Я ехал к нему не с простыми руками. Но не позволила совесть, ведь он не из-за денег это делал, а по простой нашей дере-

венской, никем не защищенной, жизни в нашей далёкой глухой сибирской стороне. Я не имел права что-либо ему предлагать. Так, я приехал домой и привёз за кошевой привязанные сани и сбрую Мухорки. Ну, а тут и вы появились на свет божий. У Терёшки трое работников, а у Никишки ты один растёшь, «умница», и хоть одна девочка ещё растёт в потомстве «Терёхиных». Ничего на вас не можно напахать, всё на вас, как на огне горит, всё изорвали, всё износили, что с вами делать, не знаю. Если б меня, дедушки, не было, ходили бы босые да голые. Когда отделили Никишу, в надел ему отдали избу, крытый глухой двор с конюшнями и с хлевами, двухъярусный новый амбар, две коровы ему достались и его питомцы – Чалуха с Мухоркой, так как он больше с ними работал и они к нему привыкли. Для Терёши было решено строить новый дом, так, мне досталась передняя изба, а Никише – задняя, а для Терёши избы больше не было. Мы решили общими силами возить лес на постройку дома и срубить дом, так как передняя изба была очень старая. Так мы построили новый дом, где сейчас находимся.

Хотя я и был маленьким мальчиком в то время, а запомнил, как отстраивали этот дом. Дядя Терентий с кривым длинным топориком стёсывал внутри дома стены, больше в памяти моей ничего и не осталось. Дед Михаил стал рассказывать дальше:

– Вскоре после делёжки взбеленился Терентий. В то время у Терентия был сын Константин, и я гордился внуком. Он рос таким крепким, бойким, редко болел, никогда не хныкал, как у некоторых. Бывает, появится ребёнок и до году не даёт родителям ни днём, ни ночью покою, то какие-то дети бывают хворые. А Костя рос, как на опаре, никому не докучал, строил разные игрушки ножом, кое-что получалось. Для меня он появился, как радость, да и вы все мои внуки были не лишние, я всем вам радовался. Пока все были маленькими, всё шло хорошо, а как подросли, хоть собакам выбрасывай. Терентий, сам знаешь, из крупных мужчин, здоровье у него крепкое, и это сильно чувствовалось. Должно быть, таких мужиков и уважают сильно женщины. Вот он и увязался с Фушкой, с замужней женщиной. Фушка тоже была во всё беремья. В то время ходили слухи, что где-то в компании мужики завели Терентия, якобы, завладеть Фушкой, и он пообещал. И вот Терёшка ушел из дому. Оставил свою Марфу с сыном и меня тоже, а сам уехал с Фушкой в Байкит. Марфа некоторое время пожила со мной и поехала в Алёшкину, к своим родителям, в свою деревню, где мы её и сватали. А слухи ходили, что по спору должен Терентий прожить с Фушкой один год. Так оно и было. На следующий год Терёшка приехал со своей Фушкой домой, в Проспихино, и прогнал Фушку, но и Марфы-то не было. Сам он ездил за Марфой в Алёшкину, но Марфа вначале не поехала. Так мне пришлось ехать и привезти Марфу домой. После Терентий с Марфой жили без всяких фокусов.

Тут стали подрастать вы, «терешата», забот стало ещё больше. В деревне все ребятишки растут сами по себе, а все взрослые работают на полевых работах. В деревне на день оставались одни ребятишки да старики, которые не годились на работах. Ребятня была предоставлена сама себе, кое-что выдумывали да подражали взрослым. Так росли и вы, мои внуки, которым я радуюсь и хотел бы видеть вас грамотными и крепкими хозяевами на сибирской нашей земле».

В то время я был молодым и разговору не придавал никакого значения, но, прожив какое-то время и имея свой уже кое-какой жизненный опыт, мне всё чаще приходят в голову слова деда, и я всё подробнее и подробнее, всё до мелочи вспоминаю этот его разговор...